

Христос Ф.М. Достоевского вместе с чудом и тайной отбрасывает авторитет как средство приобщения к Богу. Склонность к авторитарности – критерий неактуализированности личности. Религия как компенсация слабости человека становится ненужной [Бонхеффер, 1994].. Авторитарная религиозность оказывается одной из стадий самоактуализации личности. Чтобы зажить религиозно, отмечает И. А. Ильин, надо научиться видеть Бога, не только в храме, но и в светской жизни. «Настоящая религия не есть дело одного церковного стояния, но дело всей жизни и всего творчества» [1993, с. 207].

Брауэр Е.Н., Сулонов П.Е

Евразийский подход Н.С.Трубецкого к политическому национализму

У термина «национализм» в массовом сознании и политическом обиходе сложная и во многом парадоксальная судьба. С одной стороны, в советскую (особенно) и постсоветскую эпоху данному термину придавался негативный смысл. С другой стороны, объективный исследователь не может игнорировать факты популярности идеологических установок и постулатов, которые могут быть охарактеризованы как «националистические».

Сразу скажем, что в данном исследовании термин «национализм» употребляется абсолютно политически нейтрально и идеологически неангажированно.

Перед нами в данной статье стоит задача выяснить, насколько идеология евразийства восприняла идейно-мировоззренческие установки правоконсервативной, националистической политической концепции. Это имеет особое значение для понимания концептуальных оснований самого евразийства, так как по определению евразийство имеет дело с совокупностью народов, национальных традиций и культур. Национализм зачастую играет роль самоидентификатора народа, своеобразной формой коммуникации с иными субъектами политического пространства. Поэтому через анализ

феномена национализма мы можем познать закономерности, в том числе и политико-правового бытия народа, нации, этноса.

Термин «национализм» евразийцы заимствуют из уже сложившегося к их эпохе политического лексикона. В конце XIX – начале XX века данный термин вырастает из правоконсервативной идеологии. Евразийцами по своему политическому «происхождению» были «белые», если и не воевавшие активно против большевиков, то по крайней мере изгнанные из России коммунистической властью. Н.Н.Алексеев, П.Н.Савицкий, Н.С.Трубецкой (и не только они) в юности тяготели к революционной фразеологии и даже деятельности, но в зрелости встали на правоконсервативные позиции.

Евразийцы большое внимание уделяли теоретическим аспектам понятия «национализм», стремясь очистить его от наносного и ложного, определить подлинный смысл этого слова. В 1921 году выходит работа Николая Сергеевича Трубецкого с программным названием, не потерявшим своей актуальности и по сей день – «Об истинном и ложном национализме».

Обращение Трубецкого к теме национализма как стержня идентичности народа вполне закономерно в контексте его евразийских политико-правовых исканий. В статье «Общеевразийский национализм» Трубецкой задает вопрос о факторе, который мог бы стать стержнем нового евразийского политического образования: «...Прежде основным фактором, спаивавшим Российскую Империю в одно целое, являлась принадлежность всей территории этого государства единому хозяину – русскому народу, возглавляемому своим русским царем, то теперь этот фактор уничтожен. Возникает вопрос: какой же другой фактор может теперь спаять все части этого государства в одно государственное целое?» (Трубецкой Н.С. *Общеевразийский национализм.//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.1993 стр.90*).

Понятие «национализм» должно восприниматься в положительном смысле, «так как ни одна нация не может отказаться от своих национальных особенностей и национальных традиций, национальной программы и

национальных интересов во всех областях жизни. Без национализма не может быть и интернационализма, как не может и быть объединяющей всё строение крыши без фундамента и стен.» (Петров В.Л. Геополитика России: Возрождение или гибель? М.: Вече. 2003. С.129.)

Н.С.Трубецкой подходит к проблеме политического национализма, рассматривая нацию как органическое целое, имеющее при этом черты личности. Национализм имеет политическое выражение, но своими корнями уходит в духовную сущность человека и культуру данного социума. Подчеркивается, что национализм вырастает из психологии эгоцентризма: "Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром Вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ, то, которое к нему ближе, более на него похоже, – лучше, а то, которое дальше отстоит от него, – хуже. Поэтому, всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие его племя, его раса – лучше всех остальных, подобных им" (Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме.//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.1993 стр.36).

Трубецкой ставит под сомнение существование явления, в современном политическом и культурном лексиконе получившим название «космополитизма или «планетарного сознания», содержанием которого являются «общечеловеческие ценности». Речь, скорее, идет о двух видах тех же самых национализма и шовинизма. Первым является «классический» немецкий, французский, польский и т.д. национализм. Именно этот вид национализма был взят на вооружение и доведен до экстремистских форм фашистскими движениями в первой половине XX века. Стремясь к этнической и расовой чистоте сторонники такой формы национализма стремились к максимальному обособлению своей гомогенной этнической группы.

Второй же вид национал-шовинизма не довольствуется «фольклорным гетто», а стремятся к активной экспансии во вне, в том числе и в военно-политических формах.

Трубецкой обращает внимание на распространенную методологическую ошибку, когда в качестве самостоятельной мировоззренческой позиции «космополитизма» и универсализма рассматривается западный, европейский национализм его худшем, шовинистическом проявлении. «Поэтому для них возможно два вида отношения к культуре: либо признание, что высшей и совершеннейшей культурой в мире является культура того народа, к которому принадлежит данный "оценивающий" субъект (немец, француз и т.д.), либо признание, что венцом совершенства является не только эта частная разновидность, но вся общая сумма ближайшим образом родственных с ней культур, созданных в совместной работе всеми романогерманскими народами. Первый вид носит в Европе название узкого шовинизма (немецкого, французского и т.д.). Второй вид всего точнее можно было бы обозначить как «общероманогерманский шовинизм». (Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме.//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.1993 стр.36).

Однако, по мнению Трубецкого, воинствующий шовинизм, стремящийся навязать свой язык и культуру возможно большему числу иноплеменников, есть лишь одна из разновидностей ложного национализма. К ложному национализму относит он и такие явления, как склонность к национальному консерватизму, историческому древнему образу (эллинизм у новогреков, римские реминисценции у румын), игнорирование самобытности и подражание «авторитетному» образцу. (Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для ВУЗов / Под ред.проф.В.И.Старовойта. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-Дана, Единство, 2003. С. 215.)

Следует отметить, что ложный национализм этого типа имеет широкое распространение и в наши дни. Вот его характеристика, данная Трубецким: «Чаще всего приходится наблюдать таких националистов, для которых

самобытность национальной культуры их народа совершенно не важна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во что бы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан «большими» народами, «великими» державами как полноправный член семьи государственных народов» и в своем беге во всем походил именно на эти великие народы». Этот тип встречается у разных народов, но особенно часто появляется у народов «малых», притом не у романо-германских, у которых он принимает особенно уродливые, почти карикатурные формы. В таком национализме самопознание никакой роли не играет, ибо его сторонники вовсе не желают быть «самими собой», а, наоборот, хотят именно быть «как другие», «как большие», «как господа», не будучи по существу подчас ни большими, ни господами» (Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С.121.).

Беда в том, что между словами «шовинизм» и «национализм» был поставлен знак равенства. Слова эти были объявлены абсолютными синонимами, в то время как именно шовинизму и только ему присущи все те отрицательные черты и свойства, которые приписывают национализму: утверждение исключительности своей нации, ее превосходства над другими нациями и т.д. и т.п.

К глубокому сожалению, ситуация с данными терминами в российском и европейском обществах почти не изменилась за прошедшие 80 лет. По-прежнему слово «национализм» в политическом лексиконе имеет негативный оттенок.

Рассмотрение национализма как ключевого понятия вполне логично для евразийства, поскольку последнее подразумевает не географическое, а этнокультурное единство. В то же время евразийство отрицает какую-либо нивелировку национальных традиций и укладов, предполагая этнокультурное «многоцветие».

Трубецкой поднимает проблему, которая ни в коей мере не утратила своей злободневности и в наши дни, а просто облеклась в слегка обновленные терминологические и публицистические «одежды». Стремление к

строительству «общечеловеческой культуры» в глазах Трубецкого являет собой вариант «вавилонской башни», «замка на песке». Проявление такой культуры в действии, на практике приведет к вырождению творческого начала как родовой сущности в человеке. Выше мы уже сказали, что национальные различия имеют глубинные психологические и антропологические основания, а общеродовое и этническое бытие человеческих индивидов – это противоположности, но неразрывно связанные. Человеческий род как единица бытия не мыслим вне национального модуса.

Если бы Н.С. Трубецкой остановился в своих рассуждениях именно на этом месте, для нас бы сейчас, собственно, и не было бы предмета исследования: они бы остались просто апологией умеренно-консервативного национализма, по форме разного у каждого народа, но по содержанию одинакового. Такой национализм ограничен историческим бытием конкретного этноса. Евразийство же является оригинальным феноменом политической культуры, выделяющимся из ряда национальных идеологий.

Трубецкой рассматривает общенационалистические принципы как отправную точку своих рассуждений: «Таким образом, стремление к общечеловеческой культуре должно быть отвергнуто. Наоборот, стремление каждого народа создать свою особую национальную культуру находит себе полное моральное оправдание. Всякий культурный космополитизм или интернационализм заслуживает решительного осуждения. Однако отнюдь не всякий национализм логически и морально оправдан. Есть разные виды национализма, из которых одни ложны, другие истинны, и только истинный национализм является безусловным положительным принципом поведения народа» (Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме.//Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.1993 стр.42).

Однако историко-политические реалии, по мнению Трубецкого, свидетельствуют, что далеко не всякий национализм получает рациональное и нравственное оправдание. Подлинный национализм не может быть оторван от национальной культуры, то есть в его основе лежит идеальное начало

человеческого бытия, уникальное национальное мироотношение. Оно является единственным критерием подлинности национализма.

На практике в XX веке, и в первую очередь на просторах Евразии, присутствуют искаженные модусы национализма, для которых культурно-мировоззренческая уникальность не является определяющей, ставится на последнее место в системе приоритетов. Главной целью деятельности представителей такого национализма является построение собственной государственности, обретение национального политико-государственного суверенитета, «самостийности и незалежности». Причем достижение этого суверенитета увязывается не столько с реальной независимостью, подкрепленной экономически, демографически и т.д., сколько с официальным юридическим признанием со стороны «мирового сообщества», а фактически – со стороны клуба «великих, больших государств».

Безусловно, обретение политической независимости является очень важной вехой в развитии нации, но было бы трагической ошибкой воспринимать эту веху как самостоятельную стратегическую цель. Необходимо правильно расставить приоритеты: государственность есть средство для достижения цели – развития и сохранения национальной уникальности, идентичности, самобытности. Подобный «национализм» на самом деле выхолащивает подлинное национальное из народа, подгоняя его под некий шаблон «передовой нации». Неудивительно, что такого рода национализм легко способен перетекать в иную крайность – агрессивный шовинизм, стремление ассимилировать в свою культуру, язык и образ жизни как можно большее количество инородцев, особенно близких по культуре и менталитету. Особенно ярким примером сосуществования этих двух взаимоперетекающих видов ложного национализма являют собой современные политические режимы Латвии и Эстонии. Абсурдность и тупиковость такого политического пути очевидна, так как при этом ломается ментальность, психический склад больших масс людей, что чревато либо прямым геноцидом, либо катастрофой самой государственной машины, проводящей такую политику.

Еще одним видом ложного национализма Трубецкой считает национал-консерватизм, то есть стремление поставить знак равенства между имевшими место в прошлом формами национальной жизни и современными национальными интересами. За нацией отрицается право быть живым самразвивающимся организмом, игнорируется связь между современным национальным менталитетом и государственной формой. Например, определенными политическими кругами может навязываться монархическая форма правления, которая, несмотря на свой древний, консервативный характер, может идти вразрез с актуальными национальными интересами.

Итак, Трубецкой выделяет как минимум три формы «неправильного» национализма, каждая из которых чревата своими негативными для нации последствиями.

Национализм в духе прогрессистского подражания западным стандартам культурно-политической жизни ведет к постепенной денационализации, лишает нацию ее подлинной основы, предлагая ей взамен некий суррогат в виде государственной независимости, которая на деле часто оказывается формальной. Ложный национализм в форме грубого и откровенного шовинизма ведет к войне, к перманентному конфликту с окружающими государствами и народами, с мировым сообществом. Такой национализм бесперспективен и опасен и чисто по прагматическим (внеморальным) соображениям. Попытки полной ассимиляции окружающих народов серьезно подрывают силы нации, что в перспективе чревато национальной катастрофой. Национал-консерватизм по своему определению является признаком застоя, симптомом близкой национальной смерти. Естественно, что эта классификация не абсолютна, на практике могут встречаться и иные, смешанные формы псевдонационализма. Данные рассуждения для Трубецкого есть некая отправная точка для изложения взглядов на правильный национализм в отношении России-Евразии. Но общие контуры этой концепции можно определить методом «от противного». Во-первых, подлинный национализм подразумевает культурные приоритеты, стремление к созиданию и познанию самобытной,

самодостаточной национальной культуры. Истинному националисту абсолютно чуждо стремление навязать свое мировоззрение и культуру иному народу, но он так же не станет раболепствовать и подражать чуждой культуре как более «прогрессивной». Во-вторых, укорененность в своей самобытной культуре позволяет и бегать и национального изоляционизма. Подлинный националист готов к общению и познанию иных народов, так как настроен на «этническую волну», ему понятны общечеловеческие принципы национальной жизни. Именно подлинный национализм делает возможным полноценный диалог и сотрудничество между народами.

Бурцева Р. В.

Религия в общественно-политической жизни

Религия всегда играла важнейшую роль в жизни общества и государства. На протяжении многих веков православие имело в России особый статус. Поэтому мы часто рассматриваем историю России как историю православного государства с его традициями, устоями, обычаями. После октябрьской революции российское государство стало называться светским, то есть государством, где политическая власть отделена от церкви. Но стало ли оно светским по своей сути?

Хотя времена доктрины «Православие, самодержавие, народность» остались в далеком прошлом, в умах многих современных граждан православие остается не просто религией, а государственной идеологией. И странно даже не то, что православие считается государственной идеологией в светском государстве, а то, что оно является ею в поликонфессиональном государстве, где значительную часть граждан составляют представители других конфессий. «Для гетерогенных обществ массовая религиозность граждан и возникновение неравенства конфессий являются потенциально конфликтогенным фактором»⁴.

---

⁴ Филь М. Влияние религиозного фактора на рост этнонационализма в современной России // Власть. 2005